

Николай АЛЕШКОВ

Предназначение глагола

Книга Николая Рачкова «О Родине, о жизни, о любви» очень личная. Поэт рассказывает о главном — заветном и сокровенном — о том, что отражено в названии

Сборник объёмный — 660 страниц. И в каждом стихотворении проступает авторская печать мастерства и готовности ответить за каждое слово перед миром земным и миром небесным.

Рассказывая о себе, Рачков говорит о тех, кто родился в сороковые и пятидесятые годы минувшего столетия не в столичном роддоме Грауэрмана, а в крестьянской избе, в поселковой больнице, в колхозном поле во время страды. На пространствах от Калининграда до Владивостока нас таких много. Книга итоговая — из неё явствует, что Рачков всю жизнь писал испо-

И чья рука его зарыла,
Песок иль глину постела.
Но знаю, что его могила —
Вся им спасённая земля.

А воспоминания о послевоенном детстве у нас общие. Некоторые детали совпадают абсолютно. Некоторые строки — дословно. Рачков: «И мама, молодая-молодая, / Другой такой не вспомню никогда я...». Алешков: «И мама, молодая-молодая / ведёт меня навстречу тишине». Рачков: «Я был в раю, / Но я не знал об этом». Алешков: «Я б навсегда остался в детстве, /

как ангел в сказочном раю». Рачков: «Кроме Родины нет / Ничего у меня за душой». Алешков: «Кроме родины нету / у меня ничего!» О заимствованиях в данном случае не может быть и речи. Мы познакомились в начале нулевых, не зная ранее стихов друг друга. Не сомневаюсь, что подобные совпадения есть и у других стихотворцев нашего поколения. Эти повторения неизбежны. Они пришли к нам из воздуха того времени, из атмосферы грандиозной эпохи, когда не хватало хлеба, но хватало всеобщей христианской любви — прежде всего, к нам, детям войны и Победы. Нас любили всем селом, а за озорство порой и наказывали всем селом. Колхозный конюх, потерявший на войне ногу, учил кого-то из нас запрягать лошадь.

Солдатская вдова угощала парным вечерним молоком, когда ты встречал её корову из стада.

Тихой речки прозрачное устье.
Городок на горе. Купола.
Столько счастья и боли, и грусти
Ты мне, Родина, в детстве дала! —

пишет Николай Рачков. Его стихи настолько прозрачны и понятны, что в особых комментариях не нуждаются, поскольку полнокровно говорят сами за себя. Их простота — волшебная. Она проистекает из деревенского фольклора, услышанного в детстве, из традиции русской классики, которую Николай Борисович изучил вдоль и поперёк, как и славную историю родного Отечества, как и «великий и могучий» язык его. За этой простотой стоит ясность, которая, по выражению Л.Н. Толстого, есть «удовольствие ума». Мне кажется, формулировка Льва Николаевича годится для любого вида искусств. Таков Пушкин, таков Моцарт. Ясность не отменяет, а усиливает смысл написанного, изображённого, прозвучавшего, а также глубину и неоднозначность переживаний и автора, и его героев. Рачкову незачем упражняться в словоблудии современного постмодернизма, стремящегося только к самоутверждению и, что ещё хуже, к эпатажу. Помня об истинной — божественной — сути Слова, он пишет:

Исчезнет всё. Но не оно.
Не отречётся, не разлюбит.

Тая бессмертия зерно,
Оно кричать о жизни будет.

И вспыхнет из забытых снов,
Из хаоса слепых молекул.
И колокольно, властно — вновь
Оно над новым грянет веком.

И человек над синью вод,
В объятьях девственного дола
И выстрадает,
и поймёт
Предназначение глагола.

Чтоб вновь, с душою во хмелю,
Ресницы опуская ниже,
Всей грудью выдохнуть:
— Люблю...
И задохнуться:
— Ненавижу...

Приоритет художественной цельности и ясности ныне приходится доказывать ценителям массового искусства и проповедникам «другой» поэзии и «другой» прозы, признающих только авангард и, по сути, отвергающих преемственность классики, забывая почему-то, что мы это уже проходили, когда они пытались «сбросить Пушкина с корабля современности». В этом споре поэзия Николая Рачкова остаётся чрезвычайно актуальной, а творческая позиция нестигаемой.

Не менее важная задача поэта — поведать о своём понимании русской истории и государственности, о предназначении и тревогах русского мира — рассказать так, чтобы задеть читателя за живое, чтобы, «лучшие слова стояли в лучшем порядке», если речь идёт о ремесле. И ему это удаётся.

Предназначение 1/6 части земной суши, называемой в прошлом Российской империей, потом Советским Союзом, ныне Российской Федерацией — стоять насмерть между враждующими цивилизациями Востока и Запада, принимая удары на себя с обеих сторон и спасая мир. Называть этот исторический факт случайностью легкомысленно.

Может быть, в стуже земной,
Ложью пропахшей и кровью,
Мир и спасётся одной
Нашей несчастной любовью...

И далее, размышляя о причинах стояния между:

Зачем такая доля,
Её и соль, и сласть?
На то не наша воля,
На то не наша власть...

Не наша — значит, Господня. Так считают русские духовники и провидцы. Так считает поэт Николай Рачков. Причём о богоизбранности у него — ни строчки. Только надежда, только догадка — именно потому, что «на то — не наша воля». О богоизбранности есть кому декламировать без нас. Зачастую эти декламации оборачиваются нацизмом. А мы-то знаем, что перед Богом все равны.

Однако на Бога надейся, а сам не плошай. Во Вторую мировую наши отцы и матери превзошли врага неимоверной стойкостью, самоотверженностью, терпением, способностью собраться в один кулак вокруг командира взвода на линии огня, вокруг маршала на Курской дуге, вокруг народного вождя, не покинувшего Кремль во время эвакуации, вокруг начальника цеха на заводе, вокруг колхозного председателя в лице русской бабы, у которой мужик

был на фронте... России помогала тогда и Небесная заступница — икона Казанской Божией Матери, о чём свидетельствует история. И пусть что угодно плетут о нас мифотворцы из пятой колонны — именно мы спасли Европу от фашизма! Приходится об этом напоминать, ибо всё чаще нашу пассионарность пытаются оспорить с пеной у рта ближние и дальние партнёры.

Судьбоносных испытаний в российской истории оказалось больше, чем, казалось бы, можно выдержать. Миллионы погибших говорят сами за себя. Братоубийственная гражданская война, революции унесли самых достойных и лучших. И власти (так было во все времена) ведут себя по отношению к народу не лучшим образом. «И от любви бывает больно...» — пишет Рачков былинным белым стихом. И вслед за Василием Шукшиным потрясённо думает: что с нами происходит, почему душа мелькает у того, у другого, у третьего, у тебя самого?

И не пробуйте упрекать Рачкова в верноподданническом режиме, господа правозащитники, — не получится. Одна из задач истинного поэта, поставленная перед ним совестью, называть вещи своими именами. Он всегда тот самый юродивый Николка из знаменитой пушкинской трагедии, который говорит правду царю Борису. И это свойство пришло к нему из глубин народного духа:

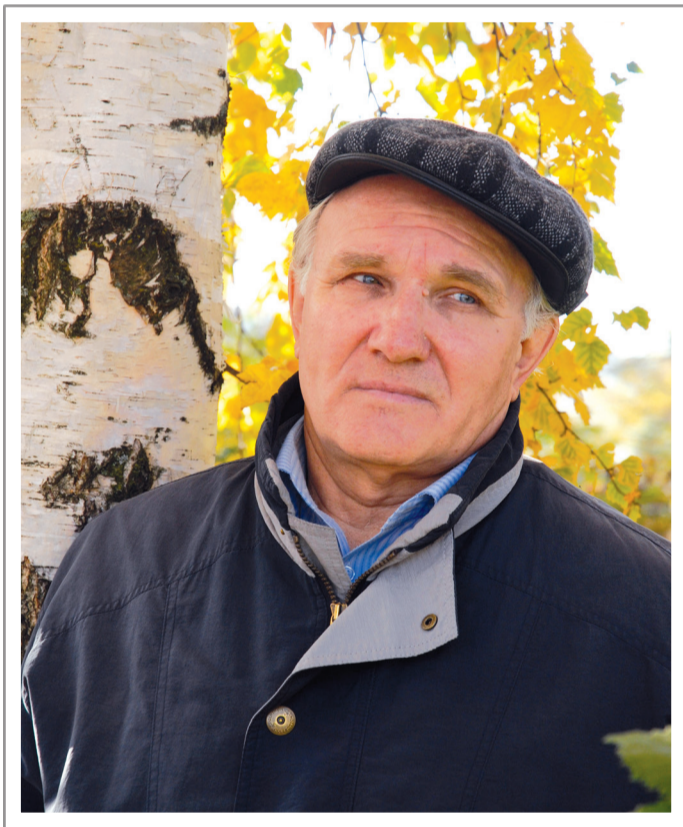
Травы шумят и ветки,
Тонет в пруду закат.
Чувствую: это предки
Что-то сказать хотят.
.....
Ты погляди окрест,
Так уж заведено:
Каждый несёт свой крест,
Сколько ему дано.

О лирической наполненности свода стихотворений Николая Рачкова надо писать отдельную статью. С этой задачей, надеюсь, справится профессиональный литературный критик, а не стихотворец-практик. Я могу лишь искренне восхищаться шедеврами Рачкова, радоваться его точному слову, его чуткому, любящему сердцу, интуитивно слышать его музыку, которая кажется мне родной, а иногда и завидовать — дескать, те или иные стихи или отдельные строки мог бы написать и ты, потому что чувствовал так же и то же, а написал он. Да что там говорить, окупитесь сами в красоту русского слова:

У тамбовских колодцев,
Кубанских криниц
Неожиданно,
жаркой зарницы короче,
Из-под долгих, как сон,
византийских ресниц
Обожгут
васильково-славянские очи.

Поэт Николай Рачков не жалуется на судьбу. Его литературная карьера вполне сложилась, книги выходят, и премии он получает. Только вот мне отнюдь не его, а российского читателя жаль. Не доходят мизерные тиражи его книг до нашей глубинки, до школьных и вузовских программ. Не звучит его голос по радио и на телевидении. И виноват в этом не поэт, а государственные чиновники и их прихлебатели, не допускающие проникновенное русское слово до народа.

Что ж, каждый несёт свой крест. Я не сомневаюсь, что поэзия Николая Рачкова живёт сегодня и будет жить всегда. Сила её в правде и красоте.

ведь поколения, не ставя, между прочим, перед собой подобной сверхзадачи. Так получилось. Иначе и быть не могло, ибо он — плоть от плоти послевоенной эпохи. Мы не только дети священной войны, но и дети Великой Победы. И ещё поэт осознаёт, что талант не только Божий дар, но и тяжкий крест...

Получив эту книгу и начав её читать, я послал автору четверостишие:

Пусть зимой не поёт соловей —
Отчего ж мои слёзы так сладки?
Друг, я плачу над книгой твоей
где на каждой странице закладки.

На что поэт шуточно отреагировал — хорошо, что не заплачки. Смеюсь в ответ — в заплатках нет необходимости. А скупая мужская влага и вправду проступала при чтении. Это были слёзы общей боли и общей радости, а также слёзы от понимания разницы: мой отец после двух ранений вернулся домой в 1943-м (я появился на свет в 1945-м), а отец и сын Рачковы так и не встретились — отец ушёл на фронт, когда сын находился в чреве матери.

Когда над Родиной набатом
Беда качнула небосвод,
Отец мой стал простым солдатом
В тот страшный сорок первый год.

Идя сквозь слёзы, кровь и пепел,
Чьё сердце гневно не дрожит?
Не знаю, где он пулю встретил,
Не знаю я, где он лежит.